

Примечания

¹ Исследователи-фольклористы, антропологи и историки обращались к изучению этого региона в различные исторические периоды. О том, насколько объемна современная литература по русинскому вопросу, можно судить по аннотированной пятитомной библиографии карпаторусских исследований, составленной и изданной Полем Магочим: *Carpatho-Rusyn Studies: An Annotated Bibliography* / ed. P.R. Magosci. London; New York: Garland Publishing, 1988–2012.

² Вергун попробовал себя в качестве писателя в 1901 г., издав поэтический сборник «Червоно-русские отзвуки», который выдержал два издания и снижал популярность в среде австрийских неославистов. Следующий поэтический сборник Вергуна — «Карпаторусские отзвуки» — был опубликован после длительного перерыва в 1920 г.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.3.1.7

Н. И. Нечаева

История и образ межвоенной Словакии сквозь призму женских образов в творчестве словацких писателей (на примере романов М. Урбана, М. Фигули, Ф. Швантнера, Я. Есенского)

Почти 100 лет назад — в конце октября 1918 г. — словацкие политические активисты торжественно объявили о независимости своего государства. Произошло это в г. Св. Мартин Турчанский. На тот момент в Словакии еще не знали, что за два дня до этого чешские политические лидеры сделали подобное же заявление. Два народа желали независимости от Австро-Венгерской монархии, желая объединиться в одно государство. По итогам Парижской мирной конференции эта возможность была предоставлена чехам и словакам в полной мере. На политической карте мира появилось новое государство — Чехословацкая республика (ЧСР), которое в течение неполных 20 лет будет пытаться построить демократию, став своеобразным «островом демократии среди бушующего океана авторитарных режимов»¹.

С конца 1918 г. для чехов и словаков начался новый исторический период. Словаки почувствовали это особенно остро, так как в отличие от чехов, имевших собственное королевство до того, как стать частью Австрийской империи, целое тысячелетие находились под властью венгров. Долгое время, оставаясь *de facto* на уровне национального меньшинства, несмотря на усиленную мадьяризацию, словаки смогли, однако, сохранить свою самобытность, но при этом так и не приобрели политической искушенности. К 1918 г. в Словакии практически не было собственно словацкой аристократии, нация оставалась преимущественно «деревенской», ситуацию спасала только немногочисленная словацкая интеллигенция. Именно в таком состоянии застали словаков чехи в период объединения. Объединение принесло словакам не только звание «государствообразующей нации», но и чувство собственного достоинства. Уже Первая мировая война разбудила в небольшом народе жажду перемен, стремление к сопротивлению: словаки не понимали, за кого на фронте умирают их отцы, мужья и сыновья — австрийский император был для них чужим. Любовь к отечеству, которую пытались навязать словакам венгерские власти, была им непонятна, поскольку своим отечеством они считали родную словацкую землю, теперь же эту землю разоряла война: линия фронта пролегла недалеко от северо-восточных границ Словакии, в связи с чем многие словацкие хозяйства были разорены. Отсюда — повальное дезертирство словаков, нежелание биться на стороне «своих» против славян — русских и сербов, и единый порыв воли и духа, мечта о независимости, которая постепенно становилась реальностью.

Из всех возможных альтернатив объединение именно с чехами оказалось наиболее приемлемым. Однако эйфория словаков закончилась сразу же после подписания Трианонского договора: как им показалось, чехи взяли курс на чехизацию, пойдя путем венгров. Так в Словакии появилось движение, пытавшееся добиться для словаков широкой автономии внутри новообразованного государства. Однако превратить Чехословакию в федерацию автономистам не

удалось. Напротив, к концу 20-х гг. республика окончательно становится унитарной. Это позволило автономистам эволюционировать далеко вправо и привело Чехословакию в итоге к краю пропасти — гитлеровская Германия, жаждавшая реванша, ловко сыграла на противоречиях чехов и словаков и к весне 1939 г. смогла окончательно разделить чехословацкое государство на две части, превратив Чехию в свой протекторат, а Словакию — в подчиненное Германии, но условно независимое государство².

Межвоенный период словацкой истории превосходно описан словацкими писателями — романистами. Более того, нужно сказать о том, что именно в это время словацкая художественная литература наконец-то вырастает из рамок провинциальности и становится известной миру. Словацкие романы переводятся на разные иностранные языки. Первой ласточкой стал «Живой бич» М. Урбана; к сегодняшнему времени словацкая художественная проза стоит в одном ряду с другими европейскими литературами.

Многие из авторов, писавших о межвоенном времени, а также о Первой и Второй мировых войнах, были современниками событий: кто-то из них побывал на войне, кто-то трудился в тылу, кто-то только успел родиться, но всех их объединяет любовь к своей родине. Женские образы в романах словацких писателей весьма колоритны и показательны. Выбранные нами для обзора романы «Живой бич» М. Урбана, «Жизнь без конца» Ф. Швантнера, «Демократы» Я. Есенского, повести М. Фигули из книги «Искушение» и ее же роман «Вавилон»³ имеют одну важную особенность: главные женские персонажи этих произведений отражают своей историей и характером историю и характер своего государства — Словакии. Поэтому нам кажется весьма актуальным в годовщину независимости рассмотреть исторический путь развития Словакии на примере именно женских персонажей.

Примечания

¹ Klimek A. *Voj o Hrad*. 1. Praha, 1996. S. 103.

² Нечаева Н.И. Словацкий вопрос в межвоенной Чехословакии // Славянский альманах. М., 2016. № 3–4. С. 152–159.

³ *Есенский Я.* Демократы. М., 1957; *Урбан М.* Живой бич. М., 1973; *Фигули М.* Искушение. М., 1988. 431 с.; *он же.* Вавилон. В 2-х т. Минск, 1988. С. 382, 350; *Швантнер Ф.* Жизнь без конца. М., 1970. 568 с.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.3.1.8

К. К. Маслова

История создания, тематика, проблематика и художественные особенности романа К. Чапека «Кракатит»

В 20-е гг. XX в. определяющим для всего творчества Карела Чапека был интерес к новейшим достижениям науки и техники и значению их в жизни человечества. Предпосылки возникновения этой темы мы можем отметить уже в его ранних произведениях малой формы — «Рассказе назидательном» (чеш. «Povídka poučná», 1908) и рассказе «Система» (чеш. «Systém», 1908), далее она находит свое развитие в драме «Р.У.Р.» (чеш. «R.U.R.», 1921) и, наконец, раскрывается более полно в произведениях крупного жанра: «Фабрика абсолюта» (чеш. «Továrna na absolutno», 1922), «Кракатит» (чеш. «Krakatit», 1922) и «Война с саламандрами» (чеш. «Válka s mloky», 1936). Два романа Чапека — «Фабрика абсолюта» и «Кракатит» — повествуют о том, что может принести человеку использование внутриатомной энергии.

Научно-фантастическая гипотеза Чапека, связанная с идеей расщепления атомов*, предвосхищала создание атомной бомбы. В 20-е гг. это идея была новой, а опасения из-за страшного оружия казались тогда преждевременными и беспочвенными. Расщепление ядра урана, открытое только в 1939 г., еще не было известно, и получение атомной энергии в больших количествах даже ученым-физикам представ-

* Однако она не была уникальна. См., напр.: *Wells G.D.* The World Set Free, 1914 и др.